

БИО
ГРАФИЯ

A detailed oil painting of a man in profile, facing left. He has dark, wavy hair and is wearing a dark military uniform with a prominent red collar and a gold braided epaulet on his shoulder. The background is dark and textured.

Олег Михайлов

Проконсул Кавказа
Генерал Ермолов

ФТМ

Биография (ФТМ)

Олег Михайлов

**Проконсул Кавказа
(Генерал Ермолов)**

«ФТМ»

2002

Михайлов О. Н.

Проконсул Кавказа (Генерал Ермолов) / О. Н. Михайлов —
«ФТМ», 2002 — (Биография (ФТМ))

ISBN 978-5-4467-3216-6

Исторический роман Олега Михайлова посвящен генералу Алексею Петровичу Ермолову (1777–1861). С именем Ермолова связаны важные события в истории Российской империи. В книге Олега Михайлова на основе документальных источников впервые подробно описываются подвиги генерала Ермолова.

ISBN 978-5-4467-3216-6

© Михайлов О. Н., 2002

© ФТМ, 2002

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Олег Михайлов Проконсул Кавказа (Генерал Ермолов)

*«Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с просьбою о деле, для меня важном. Знаю, что Вы неохотно решитесь ее исполнить. Но Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе ее утаивать. Если в праздные часы занялись Вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если же Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас дозволить мне быть Вашим историком...»
А. С. Пушкин – А. П. Ермолову*

Пролог

Четырех императоров пережил он и от двух претерпел незаслуженные и жестокие обиды. От отца и сына – Павла Петровича и Николая Павловича...

Старик, с большой головой, покрытой совершенно белыми волосами, и с выражением непреклонной воли во всех чертах умного лица, сидел за письменным столом. На нем был казинетовый сюртук и синие шаровары со сборками на животе. Ноги мощного старика, обутое в узорчатые азиатские сапоги, покоились на раскинутой под столом медвежьей шкуре. Два шандала, стоявшие на письменном столе, мягко освещали небольшой кабинет, медальоны графа Толстого на стене, изображающие войну двенадцатого года, низкий диван, вырывая из полутьмы лишь знаменитую уткинскую гравюру генералиссимуса Суворова да латинскую книжицу, на которой лежала красная, огромная, похожая на львиную лапу рука старика.

Тихо было в комнате. Тишина царила во всем скромном семиоконном деревянном домике, примыкавшем к зданию пожарного депо. В передней, освещенной свечкой с зеркальным рефлектором, на желтом конике сладко клевал носом камердинер, ровесник старика.

А на Пречистенском бульваре, в двадцати шагах от домика, в этот сентябрьский погожий вечерний час было шумно и празднично. В радужном свете газовых фонарей, серебривших своим светом листву деревьев и кустарников, клубилась по-летнему разряженная толпа, в которой лишь изредка мелькали чуйка или засаленный армяк. Звероподобные лихачи, туго перепоясанные кушаками, развозили в колясках по ресторанам развеселые компании, парочек или одиноких господ в «Дрезден» на Тверскую площадь и в «Кавказ» в Козицкий переулок, к «Яру» на Петербургское шоссе и в «Европу» в Неглинный проезд, в «Лондон» к Охотному ряду и в «Петербург» на Воздвиженку. Дворянская, чиновная, купеческая Москва, как всегда, много и сытно ела, всласть пила, веселилась, не обращая внимания на отчаянно-призывные крики мальчишек, чертенятами вившихся в толпе с пачками сырых газет: «Новая бомбардировка Севастополя!», «Зверства турок в Бессарабии!», «Обмен пленными в Одессе!».

Далеко, далеко витали мысли старика.

– Так быстро развалить армию... И какую армию! Столько гадостей наделать в Севастополе! Уступить во всем!.. – проговорил он наконец, сжимая и разжимая тяжелый кулак. – У всякого свой царь в голове... А у России? Царь, выходит, в отпуску?..

Старик медленной глыбой поднялся из-за стола, сутуловатый, но еще крепкий, даже могучий, и прошелся по кабинету той неслышной походкой, которая не будила и секретные засады немирных горцев. Постоял в раздумье перед гравюрой – блестящим резцом выгравирован портрет Суворова, превосходно изображено лицо, белый австрийский фельдмаршальский мундир, многочисленные ордена...

– Если бы был жив Суворов... Если бы он был жив!..

Туговатым ухом старого артиллериста уловил легкий шум в передней.

– Ксенофонт! – громовым голосом, способным перекрыть рев пушек, крикнул он.

Некогда, во время неожиданной ссылки при сумасбродном Павле Петровиче и заточения в Костроме, он воспользовался вынужденным бездельем и приобрел большие сведения в военных и исторических науках, а также выучился весьма основательно латинскому языку у соборного протоиерея и ключаря Егора Арсеньевича Груздева.

Ученик будил его ежедневно чуть свет словами: «Пора, батюшка, вставать: Тит Ливии с Ксенофонтом нас давно уже ждут».

Тогда-то переименовал он своего юного денщика Федула в Ксенофонта.

Камердинер не тотчас появился в дверях и слегка наклонил трясущуюся голову.

– Ксенофонт! – строго повторил старик. – Что за беспорядок?

– Офицер к вашей милости, Алексей Петрович, – ничуть не смущаясь грозным видом хозяина, отвечивал Ксенофонт-Федул.

– Хм... Офицер? К отставному солдату?

– Отставной... – бесстрашно передразнил его камердинер. – Да ты и сейчас любого супостата опровергнешь... Недаром, чай, тобой на Кавказе детей пужали...

Пропустив мимо ушей реплику Ксенофонта, старик вновь утвердился за столом, приобретя вид еще более строгий, грозный:

– Зови!

Защелкали быстрые шажки, и в кабинет влетел гвардейский капитан, тонкий и гибкий, словно лоза, с натертыми воском, торчащими усами и витым серебряным аксельбантом.

– Адъютант его превосходительства московского генерал-губернатора Закревского, со срочным пакетом вашему высокопревосходительству! – сильной фистулою отчеканил капитан.

– Так! – не подымаясь, молвил старик, принял конверт и сломил сургучные вензелевые печати.

В феврале истекающего 1855 года его, семидесятивосьмилетнего старца, несмотря на явное недовольство ныне почившего в бозе императора Николая Павловича, почти единогласно избрали начальником ополчения в семи центральных губерниях, причем сам он принял эту должность по Московской.

Он нашарил на столе лупу, вперил через стекло слабые глаза в казенную бумагу и громко зашептал:

– «Препровождаю Вам, как начальнику ополчения Московской губернии, сей скорбный приказ главнокомандующего Южной армией его сиятельства генерал-лейтенанта Горчакова 2-го об оставлении...» Об оставлении... – Голос старика пресекался. – Что-то, батюшка мой, – обратился он к капитану, – совсем худо: ничего не вижу, буквы дwoятся... Прочитай уже приказ сам. – И вынул из пакета другую бумагу.

Капитан поправил нафабранный ус и еще более высоким, чем при представлении, голосом начал:

– «Храбрые товарищи! 12 сентября прошлого. 1854 года сильная неприятельская армия подступила под Севастополь. Невзирая на численное свое превосходство, ни на то, что город сей был лишен искусственных преград, она не отважилась атаковать его открытою силою, а предприняла правильную осаду. С тех пор при всех огромных средствах, которыми располагали наши враги, беспрестанно подвозившие на многочисленных судах своих подкрепления, артиллерию и снаряды, все усилия их преодолеть наше мужество и постоянство в продолжение одиннадцати с половиною месяцев оставались тщетными – событие беспримерное в военных летописях: чтобы город, наскоро укрепленный в виду неприятеля, мог держаться столь долгое время против врага, коего осадные средства превосходили все принимавшиеся данные в соображение расчеты в подобных случаях...»

– Теперь все ясно! – твердо сказал старик, сгибая огромной кистью медную рукоять увеличительного стекла. – Но продолжай.

– «Храбрые товарищи, грустно и тяжело оставить врагам Севастополь, но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь Отечества в 1812 году: Москва стоит Севостополя! Мы ее оставили после бессмертной битвы под Бородином. Триста сорока девятидневная оборона Севостополя превосходит Бородино! Но не Москва, а гряда камней и пепла досталась неприятелю в роковой 1812 год. Так точно и не Севастополь оставили мы нашим врагам, а одни пылающие развалины города, собственною нашею рукою зажженного, удержав за нами честь обороны, которую и дети, и внучата наши с гордостью передадут отдаленному потомству...»

– Севастополь сдан! – в отчаянии перебил офицера старик.

Он поднялся во весь гигантский рост, сился сказать еще что-то, но покачнулся и начал медленно сползать на медвежью шкуру, цепляясь руками за поверхность стола. С грохотом обрушились на пол оба шандала, упали латинская книжица, увеличительное стекло, табакерка, пасьянсные карты.

Ксенофонт, гвардейский капитан и сбежавшаяся немногочисленная челядь из отставных и увечных солдат с трудом перетащили на низкий диван хозяина: у него отказали ноги. Некоторое время старик пребывал как бы в забытьи. Но вот он приподнял массивную голову с шалашом седых волос и ослабевшим, но внятным голосом приказал:

– Мундир мне!

Ксенофонт скоро воротился, неся генеральский мундир с эполетами, украшенными золотым позументом и бахромой. Единственный белый крестик Георгия 4-го класса – любимый орден – был прикреплен к темно-зеленому сукну.

– Господь Вседержитель, верни России ее былую силу... – шептал старик, беззвучно плача и целуя орден, внутренним, уже другим зрением видя перед собой картины славного боевого прошлого.

В эти краткие мгновения страдания и скорби вся его едва не восьмидесятилетняя жизнь протекла перед ним – от самых ранних, младенческих картин, от воспоминания о нарисованной на печи в родительском доме римской богини плодородия Цереры, от впечатлений действительной военной службы на четырнадцатом году от роду и до бессмертного Бородина, до отбития у французов в жестоком штыковом бою Курганной высоты и батареи Раевского, до сражений под Малоярославцем и Красным, до заграничных походов 1813 – 1814 годов и десятилетнего правления на беспокойном Кавказе.

Ермолов с трудом поднялся с дивана, подошел к бюро и выдвинул секретный ящик. Нашарил перевязанный черной лентой пакет с надписью: «Вскрыть не ранее 1859 года». Да, в этом пакете лежали листы, которые продиктовала ему сама Судьба в глухом углу Подольской губернии в далеком 1809 году. От войны с Наполеоном до кончины.

– Знаю, знаю... – шептал старик, глядя пакет. – Жить мне еще на этом свете шесть лет...

В глазах современников он казался могучим обломком отошедшей в небытие эпохи. Уже не было в живых никого из его сверстников – героев 1812 года. Уже ушли из жизни те, великие, кто видел в нем кумира и воспел его. Те, из чьих стихов о нем можно было бы составить целую антологию.

В знаменитом «Певце во стане русских воинов», созданном в Тарутинском лагере, Жуковский, осыпавший звенящими похвалами полководцев первой Отечественной войны, восклицал:

*Хвала сподвижникам – вождям!
Ермолов, витязь юный!
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх твои перуны.*

Прославленный своими ратными подвигами поэт-партизан Денис Давыдов взывал в «Бородинском поле»: «Ермолов! Я лечу – веди меня, – я твой! О, обреченный быть побед любимым сыном, покрой меня, покрой твоих перунов дымом!»

Лицейский друг А.С.Пушкина Кюхля (В.К.Кюхельбекер), служивший вместе с А.С.Грибоедовым в кавказской канцелярии всесильного А.П.Ермолова, обращался к нему в стихотворном послании 1821 года:

*О! Сколь презрителен певец,
Ласкатель гнусный самовластья!
Ермолов, нет другого счастья
Для гордых, пламенных сердец,
Как жить в столетьях отдаленных
И славой ослепить потомков изумленных!..*

Один из вождей декабристского движения, поэт-революционер, поэт-мученик Рылеев в своем послании предлагал именно ему возглавить освободительное движение Греции против оттоманского ига: «Наперник Марса и Паллады, Надежда сограждан, России верный сын, Ермолов! поспеши спасти сынов Эллады, Ты, гений северных дружин!..»

Прославленный военный вождь – таким запечатлел его Лермонтов в стихотворении «Валерик» (1840 г.):

*... Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят, рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга.
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам...*

и в стихотворении «Спор» (1841 г.):

*От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигаются полки...
И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.*

... Теперь седой генерал припоминал прошлое, и в памяти оживали одно за другим далекие события – он видел вновь поля битв в густых клубах дыма, слышал грохот пушек, стоны

раненых, жалобные крики о пощаде и могучее, всесокрушающее русское «ура!», вспоминал безмерные подвиги воинов-сподвижников на поле брани и вереницу государственных дел.

И сквозь все, уже туманящиеся, грозные годы светил ему этот маленький белый эмалевый крестик, полученный из рук незабвенного Суворова.

Часть первая

Покорение Дербента На возвращение графа Зубова из Персии

*Герой, который мной воспет,
Что счастья наделен рукою
И храбростью и красотою
В любви и в брани для побед!
Уж ты денешь не по фортуне,
По подвигам своим почтен.
Едва оставил ты граждан,
Привязанных к тебе любовью,
Уж меч твой обагрился кровью
Противных россам персиян;
Но гордый враг простер лишь волю,
Ты подарил ему живот!
Екатериныны лучи
Умножил ты победой новой;
Славнее тем венец лавровый,
Что взял Петровы ты ключи...*

Г.Р.Державин Май 1796 г.

Глава первая Русский Марс

1

Все было кончено в считанные часы.

Ни численное превосходство гарнизона над атакующими, ни мощная, более ста стволов, артиллерия, в том числе и крупнокалиберная (у русских же не было вовсе осадных пушек), ни обширные укрепления – шесть рядов волчьих ям, высокий земляной вал и ретраншамент, – ни безумная отвага осажденных не могли сдержать напора суворовских чудо-богатырей. С рассветной ракеты и до последнего выстрела прошло всего четыре часа.

Суворов, едва таскавший ноги от изнурительной болезни, прилег на солому и продиктовал донесение фельдмаршалу Румянцеву: «Сиятельный граф, ура, Прага наша!»

Артиллерийский капитан Ермолов, командовавший при штурме батареей в корпусе Видима Христофоровича Дерфельдена, с волнением ожидал торжественного въезда русских войск в Варшаву.

С начала польской кампании 1794 года юноша постоянно искал случая отличиться в бранном деле, выказать умение и отвагу. Он был назначен в авангард Дерфельдена, которым командовал брат последнего фаворита Екатерины II граф Валериан Александрович Зубов.

Ермолов был принят весьма благосклонно Зубовым, который в продолжение похода был с ним в самых приятельских отношениях и не раз в лестных выражениях отзывался о нем Дерфельдену. Их сближала молодость (графу Валериану Александровичу исполнилось 23 года, Ермолову – 17), храбрость, жажда воинской славы. Начавшееся приятельство было пре-

рвано превратностями войны. При переправе через Буг под огнем польской артиллерии Зубову ядром раздробило ногу ниже колена...

Суворов 23 октября стоял в трех верстах от варшавского предместья Прага. Корпус Дерфельдена составлял правое крыло русских, а шесть орудий Ермолова занимали крайний правый фланг в общем расположении артиллерии. Перед рассветом 24 октября русские двинулись к ретраншаменту. Орудия Ермолова открыли активную пальбу против фланговой батареи, огонь которой был губителен для атакующих. Польские артиллеристы начали поспешно отводить пушки в город. Главным «виновником» этого успеха Дерфельден считал Ермолова...

С другого берега Вислы доносился заунывный набатный звон: в ночь после штурма Праги никто из варшавян не сомкнул глаз. Заносчивые в отваге, высокомерные и кичливые в смелости, повстанцы оказались обречены на поражение благодаря высокому воинскому духу и искусству русской армии, что усугублялось еще бесконечными раздорами в дворянской верхушке, жадной своеволия и самоуправства, нетерпимостью ко всякому подчинению, неспособностью даже во имя свободы отечества отказаться от шляхетских страстей и страстишек...

Алексей Ермолов, по-юношески угловатый, худой, лежал прямо на земле, вытянувшись во весь свой огромный рост, рядом с медной пушкой, еще теплой после долгой стрельбы. Да и сам капитан, невзирая на октябрьскую свежесть, ощущал жар во всем натрудившемся теле; офицерская куртка нараспашку, на широкой груди крест с ладанкой, в которой зашит псалом «Живый в помощи Вышняго» – благословение отцовское. С этим талисманом Ермолов поклялся отцу не расставаться никогда.

Вечер переходил в ночь, в русском лагере гасли костры. Вокруг командира уже подремывали молодцы-артиллеристы, которые метким огнем заставили замолчать на варшавском берегу неприятельскую батарею. Лишь только русские ворвались в предместье, Суворов приказал ввести двадцать полевых орудий в Прагу, чтобы сбить артиллерию, выставленную в самой Варшаве. Ермолов стремглав поскакал за своей батареей и начал обстрел. Когда ему удалось подбить одну пушку, все остальные, стоявшие от моста вверх по течению Вислы, сейчас же скрылись в городских улицах.

Овладев Прагою, Суворов начал переговоры с противоположным берегом, и в результате Варшава приняла все предложенные ей условия...

– Алеша? Брат? Жив? – услышал Ермолов знакомый голос и вскочил с земли.

– Саша! – радостно припал он к плотному полковнику в грязном обожженном мундире и без каски.

Александр Михайлович Каховский, родной брат Ермолова по матери от ее первого брака, в продолжение всего штурма был неподалеку от него. Командуя в первой колонне Дерфельдена батальоном Фанагорийского полка, он ворвался во вражескую оборону, которую перед тем подавили пушки Ермолова, а потом преследовал противника до последнего окопа.

– Ты был истинным героем, – не выпуская брата из объятий, говорил Каховский, счастливо блестя черными цыгановатыми глазами. – Сам Суворов справлялся о тебе у старика Дерфельдена...

– Что граф? Как его сиятельство? – нетерпеливо перебил его Ермолов.

Каховский напросился участвовать в деле, так как командир первого батальона фанагорийцев при рекогносцировке получил ранение. Должность же его была иной – он состоял адъютантом при особе графа Суворова-Рымникского.

Правду сказать, по простодушию, даже детскости его натуры великий полководец позволял находиться около себя людям в значительной части недалеким, но ловким и хитрым, порою не совсем честным, зато умеющим втереться в доверие. Такие, как Тищенко, Мандрыкин (которого Суворов называл просто Андрыкой), Тихановский, Корицкий, Тимашов, принесли своему начальнику немало забот и горя, вынудив его как-то сказать, что честные люди слишком редки, а потому надо привыкать обходиться без них.

Каховский, умница и смельчак, великолепно образованный, веселый и добрый, был одним из счастливых исключений, оставаясь любимым адъютантом Суворова. По представлению полководца он получил боевого Георгия за мужество и отвагу, проявленные при осаде Очакова.

– После штурма Праги Александр Васильевич тотчас потребовал к себе польских генералов, пожал им руки и обошелся с ними очень приветливо, – рассказывал Каховский брату. – Он распорядился пригласить на обед также пленных польских штаб-офицеров... После того лег на солому отдохнуть, а к ночи ему разбили калмыцкую кибитку...

– Ах! – пылко воскликнул Ермолов. – Мечталось мне в бою увидеть Суворова, заслонить его собой от вражеской пули! Вот счастливая участь воина! Отомстить жестокому и вероломному врагу...

– Алеша, Алеша, – тихо молвил Каховский, – и ты когда-нибудь поймешь, что поляки защищают себя – свои дома и семьи, свою свободу.

2

В роскошных покоях примаса Варшавы – католического епископа – Суворову представили большое число новопоступивших офицеров, которые отличились в недавних сражениях.

Генерал-поручик Вилим Христофорович Дерфельден, добрый старик, напускавший на себя вид строгий и неприступный, выстроил офицеров в одну шеренгу.

Несмотря на страшную стужу, окна во дворце были распахнуты настежь. Рядом с Ермоловым, едва доставая ему до плеча, тихо переговаривались двадцатитрехлетний ротмистр лейб-гвардии Конного полка князь Дмитрий Голицын 1-й и семнадцатилетний гвардейский поручик князь Иван Шаховской; обоим предстояло славное воинское поприще: первый сделался впоследствии генералом от кавалерии, второй – от инфантерии; оба они отличились в кампании 1812 года. В пражском деле Голицын и Шаховской участвовали волонтерами.

Суворов задерживался. Юный Шаховской был бледен и шептал соседу:

– Ей-ей, легче было под польскими пулями, чем под взглядом фельдмаршала!

Но вот открылись белые, с золотом, двери, и в залу не вошел, а вбежал Суворов. Он был в одеянии фельдмаршала российских войск и при всех орденах, его сопровождали Каховский и другие адъютанты. Суворов расцеловался с Дерфельденом, непрерывно шутил, сыпал солеными солдатскими прибаутками. Заметив, что офицеры дрожат в своих тонких мундирах, пояснил, указывая на окна:

– Для вымораживания из вас немогузнайства!

Быстро идя вдоль строя, он остановился возле Голицына с Шаховским:

– Не могу не отдать справедливой похвалы и одобрения за участие в минувшей баталии господам волонтерам!

Затем указал пальцем на Ермолова:

– А это что за богатырь?

При этих словах юноша почувствовал, как его бросило в банный жар: кровь прихлынула к вискам, перед глазами поплыли круги. Как сквозь сон, слышал он голос Дерфельдена, обстоятельно, с педантизмом эстляндца объяснявшего:

– Капитан Ермолов, командуя своей батареей, накануне штурма и во время его с отличным искусством и мужеством действовал.

– Помилуй Бог! – одобрительно отозвался Суворов. – Пушки работали славно. Стреляли точно. Пропадало разве меньше десятого заряда. Открыли путь пехоте и кавалерии. Какой восторг!.. Постой! Уж не он ли заставил варшавян сvezти свои орудия?

– Так точно, ваше сиятельство, – столь же педантично, тщательно выговаривая русские слова, доложил Дерфельден. – Вместе с капитанами Христофором Саковичем и Дмитрием Кудрявцевым сбил батарею на варшавском берегу. Но он был из отличившихся первым.

– Да это же чудо-богатырь! – вскричал фельдмаршал. – Не забудь его, батюшка Вилим Христофорович, в реляции!

Он отбежал на середину залы и своим низким голосом, таким неожиданным при его малом росте, воскликнул:

– Помните, господа! В войне – наступление, ярость, ужас. Изгнать слово «ретирада»!

В соседней зале для представлявшихся офицеров между тем накрыты уже были праздничные столы.

Рассаживались, соблюдая строжайшую субординацию. За обедом не позволялось катать из хлеба шарики, передавать солонку из рук в руки, кусать ногти, иметь на себе черный цвет. Сперва подали в каких-то глубоких глиняных чашках прескверные щи, а после ветчину на конопляном масле. Офицеры над щами морщились и воротили носы от перекисшей капусты. Ермолов же хлебал с аппетитом, и не потому только, что не избалован и привык к любой пище. С рождения он был почти вовсе лишен чувства обоняния: не знал запаха ни розы, ни резеды в естественном их виде и мог есть за свежую говядину – тухлую, от которой другие бежали вон из комнаты.

подавая пример, Суворов ел и беспрестанно похваливал искусство своего повара Мишки.

Ермолов жадно глядел на полководца, стараясь запомнить его – его лицо, манеры, облик. Маленький, прихрамывающий, с грубой, обветренной кожей, припудренными букольками и косичкой, высоко поднятыми бровями и сверкающими умом голубыми глазами. Русский Марс!

Обед был едва не испорчен неосторожностью Каховского. Забывшись, любимый адъютант принялся грызть ногти. Суверный Суворов вскочил с криком:

– Грязь, вонь, припах, афак! Здоровому – питье и еда, больному – воздух и конский щавель в теплой воде!

Тотчас явился слуга с рукомойником, полотенцем и лоханкой.

Каховский нашелся:

– Виноват, ваше сиятельство! Замечтался, когда же вы поведете нас на французов.

Суворов успокоился и отослал слугу вон. Он давно уже помышлял о встрече с противником, достойным себя, и еще в Херсоне, перед польским походом, отправил фавориту Екатерины II Платону Зубову план французской кампании., Прощаясь с молодыми офицерами, Суворов повторил им в назидание любимые заповеди:

– Военные добродетели суть: отважность для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала. Будьте откровенны с друзьями, умеренны в нужном и бескорыстны в поведении. Любите истинную славу. Отличайте честолюбие от надменности и гордости. Привыкайте заранее прощать погрешности других и не прощайте никогда себе своих погрешностей. Обучайте ревностно подчиненных и подавайте им пример собою. Пламенейте усердием к службе своему Отечеству! А уж оно вас не забудет и воздаст по заслугам каждому!..

3

«Артиллерии капитану Ермолову.

Усердная ваша служба и отличное мужество, оказанное вами 24 октября при взятии приступом сильно укрепленного варшавского предместьев, именуемого Прага, где вы, действуя вверенными вам орудиями с особой исправностью, нанесли неприятелю жестокое поражение и тем способствовали одержанной победе, учиняют вас достойным военного Нашего ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, на основании установления его. Мы

вас кавалером ордена сего четвертаго класса всемилостивейше пожаловали и, знаки оногo при сем доставляя, повелеваем вам возложить на себя и носить по указанию. Удостоверены Мы, впротчем, что вы, получа сие со стороны Нашей одобрение, потщитесь продолжением службы вашей вящше удостоиться Монаршаго Нашего благоволения.

**Екатерина В С.-Петербурге
Генваря, 1 дня, 1795 года»**

Глава вторая Обещание

1

А Церера была стройной и румяной, с величественной осанкой и добрым взглядом, в венке из колосьев, с факелом и рогом изобилия в руках, из которого сыпались цветы, хлеб, яблоки, гроздья винограда и даже целые тельцы, бараны, свиньи. Она казалась бы всемогущей богиней, если бы не трещина, надвое рассекшая печь вместе с нею и грубо замазанная глиной. Четырехлетний Алеша навсегда запомнил Цереру, как и скромный родительский домик в Москве, в переулке между Арбатом и Пречистенкой, буланого меринка, дворовых ребятишек, пышные проводы Масленицы, малиновый церковный звон, а потом резную указку, расписанную синими фигурками, и первый букварь, по которому его учил грамоте дворовый служащий и тезка – Алексей...

Отец, вышедший в отставку по болезни в чине майора артиллерии, рассказывал мальчику о роде Ермоловых, о предках, об отчич и дедич, уходивших сонмом своим в глубь истории российской.

Согласно преданию, основателем рода был Араслан-Мурза-Ермола, по крещению названный Иоанном, который в 7010 (1506) году выехал к великому князю Василию Ивановичу из Золотой Орды. «Правнук сего Араслана, – как указывалось в составленном позднее Общем гербовнике дворянских родов Российской империи, – Трофим Иванов сын Ермолов в 7119 (1615) году написан по Москве в Боярской книге. Осип Иванов сын Ермолов от Государя, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича за Московское осадное сидение пожалован поместьями. Равным образом и многие другие сего рода Ермоловы Российскому Престолу служили дворянские службы стольникам и в иных местах и жалованы были от Государя поместьями».

Правда, мало что осталось от полученных предками поместий отцу, Петру Алексеевичу Ермолову, принужденному по выходе в отставку в 1777 году тотчас пойти на гражданскую службу. Сто душ крестьян и сельцо Лукьянчиково Мценского уезда Орловской губернии – вот и все, что составляло родовое богатство Ермоловых. Сам Петр Алексеевич после службы в Москве был избран дворянским предводителем в Мценске, в 1785 году определен председателем гражданского суда Орловского наместничества, в следующем году произведен в коллежские советники, а затем и в советники статские, что соответствовало по Петровской табели о рангах полковничьему чину. После 1792 года и до конца царствования Екатерины II Петр Алексеевич исполнял обязанности правителя канцелярии могущественного генерал-прокурора А.Н.Самойлова, дальнего родственника по жене.

Марья Денисовна Ермолова в первом браке была за ротмистром Михаилом Ивановичем Каховским, рано умершим, от которого имела, как мы уже знаем, сына Александра. По свидетельству современника, родные братья по матери, Каховский и Ермолов, унаследовали именно от нее «редкие способности, остроту ума и, при случае, язвительную резкость возражений». Марья Денисовна была натурой незаурядной, особенно резко выделявшейся на фоне губернского общества Орла, где она оказалась с мужем после воцарения Павла I и последовавшего немедленного увольнения Петра Алексеевича со службы. Как вспоминал один из ее близких знакомых, она «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в провинциальном мире».

В характере Ермолова отчетливо проявились отцовское и материнское начала, придавшие ему с ранних лет особенный облик – гордость, независимость и вместе с тем скромность, серьезность. Отец, по словам мемуариста, одарил его «серьезным и деловым складом ума», а мать – «живым остроумием и колкостью языка, качествами, которые доставили ему громкую известность и вместе с тем наделали ему много вреда».

Воспитанный в духе уважения и даже преклонения перед всем русским – языком, обычаями, историей, Ермолов никогда не кичился ни своим дворянским происхождением, ни заслугами предков. Это ему, любившему говорить о себе в третьем лице, принадлежат слова: «Алексей Петрович Ермолов не может иметь обширной родословной и разумеет свое происхождение ничего особенного в себе не заключающим». Но то была прежде всего дань скромности, которой он всегда в высшей степени обладал, воспринимая себя и свой род лишь как крохотную частицу огромного ствола России и ее пышной и разветвленной кроны.

Он хорошо помнил своих предков, свой родовой герб: щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в правом, голубом поле изображены три золотые пятиугольные звезды – одна вверху и две внизу; в левом, красном поле видна из облаков выходящая рука с мечом. В нижней части, в серебряном поле, поставлено на земле дерево, а по сторонам оно – лев и единорог. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною. Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный золотом. Щит держат с правой стороны единорог и с левой лев. Но Ермолов никогда не преувеличивал цены голубой дворянской крови.

Род Ермоловых был заурядным дворянским родом, истоки которого следует искать не в выходцах из Золотой Орды, даже если они и были (впрочем, когда дальний родственник Ермолова подал в 1785 году челобитную «об учинении о дворянстве предков», в правительствующий сенат пришел ответ, что «по делам Коллегии иностранных дел Московского архива о выезде помянутого Мурзы-Ермолы никакого сведения не имеется»). Русское дворянство, в большинстве своем вчерашние смерды и оболы, стремилось отделиться и противопоставить себя «черному люду» с помощью иноземных предков, чаще всего выдуманных.

Уже в родословной книге, пополненной при царе Федоре Алексеевиче и получившей у историков по переплету название «бархатной», за исключением Рюриковичей, нет ни одного чисто русского рода. Так, Бестужевы выдавали за основателя своей фамилии англичанина Гавриила Беста, якобы въехавшего в Россию в 1403 году. Лермонтовы – шотландца Лер-монта. Козодавлевы вели свой род от древнегерманской фамилии Кос фон Дален. Толстые утверждали о своем происхождении от «мужа честна Индриса», выехавшего «из немец, из Цесарские земли» в 1353 году. Бунины – от прибывшего «к великому князю Василию Васильевичу из Польши мужа знатного Симеона Бунковского». Пушкины тоже называли себя потомками немецкого выходца, пока не было доказано их чисто русское происхождение. Даже Романовы считали себя выходцами из Литвы, а не тверскими боярами, каковыми были на самом деле. А дворяне Дедюлины заявили, что происходят не более не менее как от герцогов де Люинь!

Все это могло бы показаться историческим курьезом, если бы не использовалось недоброжелателями как оскорбительный для отечественной истории материал, призванный подтвердить неспособность русской нации выдвигать из собственных недр великих ученых, писателей, художников, полководцев, государственных деятелей. Из толщи народа, из недр его выделились и поднялись все знаменитые люди России, а со времен Петра Великого, сломившего чванную боярскую иерархию, в «верха» империи ворвались новые силы, резко подул свежий ветер. Недаром в числе первых российских генералиссимусов и «полудержавных властелинов» оказался недавний разносчик пирожков с ливером, с перцем Алексашка Меншиков.

В раззолоченные петербургские дворцы при преемниках Петра, как писал А.Н.Толстой, «приходили ражие парни, с могучим телосложением и черными от земли руками, и смело поднимались к трону, чтобы разделить власть, ложе и византийскую роскошь». Вчерашний пев-

чий Алексей Розум на двадцать втором году жизни стал российским фельдмаршалом, а затем и тайным супругом царицы Елизаветы Петровны; внуки простого стрельца Орла, Григорий и Алексей Орловы, были подняты на высшие ступени власти и осыпаны наградами Екатериною II; среди фаворитов оказался и двоюродный дядя Ермолова – Александр Петрович, в короткий срок ставший генерал-поручиком, флигель-адъютантом и действительным камергером.

Среди «случайных людей» (так называли в XVIII веке фаворитов – от слов «случай», «удача»; «Вельможа в случае – тем паче: не как другой, и пил и ел иначе», – сказал Грибоедов в комедии «Горе от ума») было немало красивых глупцов, смазливых ничтожеств, факиров на час, ловкачей и просто авантюристов и проходимцев. Но среди них же мы видим немало и талантливых военачальников, и крупных администраторов, и многосторонне одаренных государственных деятелей, каким, к примеру, остался в истории России преобразователь Тавриды и тайный муж Екатерины Великой светлейший князь Потемкин.

Понятно, не родством с временщиком, «вельможей в случае», мог гордиться Ермолов. Его семья переплелась в свойстве сразу с несколькими выдающимися фамилиями, принесшими честь и истинную славу Отечеству. Родство шло через мать – Марию Денисовну, урожденную Давыдову. Она была родною теткою знаменитому поэту-партизану Денису Давыдову, который, таким образом, приходился Ермолову двоюродным братом. В свою очередь ее тетка, Катерина Николаевна, урожденная Самойлова, была родной племянницей «вице-императора» страны Г.А.Потемкина и от первого брака с Раевским имела сына Николая, героя войны 1812 года. Этот Раевский женился на внучке (или, как говорили тогда, на внучке) великого Ломоносова, родившей ему двух сыновей – Александра и Николая. Когда одному из них было пятнадцать, а другому одиннадцать лет, генерал Раевский вместе с ними во главе Семеновского полка бросился на французов в сражении у деревни Дашкове, на Салтановской плотине, в двенадцати верстах от Могилева...

Ермоловы, Раевские, Ломоносовы, Потемкины, Давыдовы творили русскую историю, укрепляя государство в тех его пределах, в которых оно и осталось в наследство отдаленным потомкам...

2

Стало уже обычаем записывать дворянских недорослей на военную службу чуть ли не с пеленок. 5 января 1787 года, на десятом году жизни, Алексей Ермолов был зачислен каптенармусом – унтер-офицером в лейб-гвардии Преображенский полк, в сентябре следующего года произведен в сержанты, а вскоре и в офицеры и к 1791 году имел уже чин поручика. Определенный в гвардию, первые годы юноша оставался под родительской кровлей, мечтая пойти по стопам отца-артиллериста. Петр Алексеевич рассказывал ему о своей службе, о тонкостях огневого дела, так что отвлеченные слова «карронада», «единорог», «гаубица», «мортира», «фейерверкер», «бомбардир», «канонир», «артиллерийская шкала» наполнялись для мальчика живым и глубоким смыслом.

Москва, которую видел юный Ермолов, оставалась средоточием русского служилого дворянства. Екатерина II, немка по рождению, сумела сделаться в душе чисто русской государыней. Она стремилась внушить подданным любовь к своему Отечеству и готовность жертвовать для него всем достоянием и, если надо, жизнью. Сын своего времени, Петр Алексеевич Ермолов не уставал повторять первенцу святые для него слова:

– Когда требует государь и Отечество службы, служи, не шадя ничего, ибо наша обязанность только служить!..

Стремясь дать сыну подлинно хорошее образование, он определил его семи лет в университетский благородный пансион, на руки к профессору Ивану Андреевичу Гейму. Ученый муж полюбил пытливого мальчика, и Алексей привязался к своему наставнику. Много лет спу-

стя, уже будучи генералом, Ермолов не проезжал Москвы без того, чтобы не посетить старика Гейма, которому был обязан развитием любви как к естественным наукам, так и к изящной словесности и живым и мертвым языкам. Математике он учился у педагога Крупеникова, блестяще овладев всеобщей арифметикой и искусством землемерия, или геометрией.

Москва жила тогда событиями, разворачивающимися на юге России. Гром побед над Оттоманскою Портой – суворовские виктории при Фокшанах и Рымнике, штурм Измаила, успехи Ушакова на море, разгром турок Репниным при Мачине и взятие крепости Анапа Гудовичем – возбуждал в юном Ермолове нетерпеливое стремление как можно скорее попасть на поле брани. Переведясь в 1791 году из гвардии в армию, с получением очередного чина, четырнадцатилетний капитан был назначен в 44-й Нижегородский драгунский полк, дислоцировавшийся в Молдавии. Однако к моменту приезда Ермолова в часть война уже закончилась. Находясь в полку, он практически познакомился с артиллерией, что еще более укрепило его в давней мечте – пойти по стопам отца.

Отец, видимо, думал иначе, желая, чтобы его сын сделал придворную карьеру. Занимая не особенно видную, но важную должность («у исправления порученных дел генерал-прокурору»), Петр Алексеевич Ермолов, человек необыкновенно умный и деловой, собственно, и был генерал-прокурором, а граф Самойлов им только назывался. Екатерина II, прекрасно разбиравшаяся в людях, в который раз удивила современников, отыскав себе такого деятеля в малоизвестном до того председателе Орловской гражданской палаты.

Отец добился назначения Алексея на должность старшего адъютанта при генерал-прокуроре и вызвал сына в Петербург. Началась внешне почетная, но бесцветная и ничего не дававшая для приобретения опыта служба.

Ермолов настойчиво добивался своей цели – стать артиллеристом. Наконец в марте 1793 года он был назначен квартирмейстером во 2-й бомбардирский батальон, чтобы подготовиться к экзаменам, положенным в то время для перевода в артиллерию. С первых же дней жизни в столице юный офицер продолжал упорно совершенствовать свое образование и занимался под руководством известнейшего петербургского математика Лясковского. Великолепно выдержав экзамен, Ермолов в августе 1793 года был переведен в капитаны артиллерии, с причислением младшим преподавателем (репетитором) к Артиллерийскому инженерному шляхетскому корпусу.

Корпус вел свое начало от Артиллерийской школы, учрежденной в 1721 году Петром Великим. При Екатерине II школа была переформирована в кадетский корпус, где получили образование многие отличные генералы, и среди них – М.И.Кутузов. Свое пребывание в корпусе Ермолов использовал для самообразования, и прежде всего в области военной истории, артиллерии, фортификации и топографии.

Среди преподавателей шляхетского корпуса был выпускник этого учебного заведения Аракчеев, а также его сослуживец по гатчинской артиллерии Каннабих. Затянутые в узкие зеленые мундиры на прусский манер, носившие неудобную прическу с косой, твердившие зады немецкого военного искусства, «гатчинцы» служили предметом непрестанных насмешек со стороны кадетов и молодых офицеров. Уже тогда зародились первые семена неприязни в душе самолюбивого и мелочного Аракчеева к острому на язык Ермолову.

Алексей Петрович относился к своей новой роли преподавателя-артиллериста как к полезному, но временному делу. Восстание в Польше и наступление русских войск под командованием Суворова побудило Ермолова немедля перевестись в действующую армию. Так открылась первая страница его боевой биографии, продолжавшейся тридцать пять лет.

3

Коза Амалфея, вскормившая своим молоком младенца Зевса, однажды, зацепившись за дерево, сломала себе рог. Его нашла нимфа, обернула листьями, наполнила плодами и подала Зевсу. Тот подарил рог своей сестре – богине плодородия Деметре, которую римляне называли Церера, и обещал ей, что все, что бы она ни пожелала, прольется из этого рога.

Церера желала изобилие яств земных входившему в жизнь Алексею Ермолову, но пророчество ее не сбылось. Она обещала алые розы и маки – густо и щедро пролилась кровь; груды яблок оказались горами ядер; гирлянды цветов и ветви с виноградом и персиками превратились в штыки и шпаги, а вместо овец и быков – на бранных полях тела, тела...

Глава третья Золотая Нога

1

Ранней весной 1796 года в русской крепости Кизляр, в низовьях Терека, царило необычайное оживление. С двух сторон – от Астрахани, с Волги, и от крепости святого Николая, с Дона, – двигались к Кизляру регулярные войска, собиралась казачья конница.

Река Терек еще при царе Иване Грозном была «рекою зольного, Терекком Горынычем, что от самого гребня до синя моря до Каспицкого» – как пелось в старинной песне – и служила границей между Россией и Персией. Это был левый фланг русских владений в Предкавказье. Правый фланг был обозначен рекой Кубанью, по которой проходила граница с Турцией. Кубанское казачество здесь противостояло воинственным абхазцам, черкесам, сванам, шапсугам и множеству более мелких племен, населявших Западный Кавказ.

Однако народности, жившие к востоку от знаменитой вершины Казбек, то есть за Терекком, были еще воинственнее. Они совершали дерзкие набеги как на юго-запад, в пределы грузинских земель, так и на север, на казачьи поселения, и на восток, где узкая равнинная полоса вдоль Каспия издавна служила торговым путем для России и Персии, а через нее – со среднеазиатскими ханствами, Афганистаном и далее с Индией. Наиболее значительными из горских владений были Чечня, Ичкерия, ханства Казикумыкское и Кюринское, а также владения Тарковское, Мехтулинское, Даргинское и Аварское, среди которых вкраплениями располагались мелкие самостоятельные общины. Здесь каждый мужчина был воином, каждый аул – крепостью, а каждая крепость – столицей воинственного государства.

Поводом для появления вблизи персидских владений русских войск явились события, происшедшие далеко от Кизляра, за Кавказским хребтом, в многострадальной Грузии.

Пережившая свое государственное величие, помнящая имена могущественных царей – Давида III Возобновителя, Дмитрия I, Давида IV, Георгия III, знаменитой царицы Тамар, Грузия была истерзана кровопролитными иноземными нашествиями и внутренними междоусобицами. Государство непрерывно распадалось на мелкие владения, подвластные то монголам, то персам, то туркам, которые давали царям грузинским только титул вали – назначенного наместника. Некоторые из царей отрекались даже от христианской веры, чтобы отступничеством спасти свои наследия. Но снова собрать воедино все области – Карталинию, Кахетию, Имеретию, Мингрелию и т. д. – не мог никто.

Кровавые набеги турок и персов ставили под сомнение вопрос о самом существовании грузин как нации. Поэтому начиная с времен Ивана Грозного местные цари и князья обращались к России за помощью и покровительством. Однако очень долго Россия не имела средств поддержать силою свободолюбивый грузинский народ.

Только Петр I вспомнил о Кавказе. Когда персы при разграблении торгового города Шемахи убили около трехсот русских купцов и захватили товаров на четыре миллиона рублей, русский император во главе двадцатидвухтысячного войска самолично двинулся на юг. В июле 1722 года громадная флотилия из 274 судов выступила из Астрахани, направляясь морем к Аграханскому заливу, несколько южнее устья Терека. Сюда же из Царицына спешил отряд регулярной кавалерии, да еще с Дона и Украины вызвано было по казачьему корпусу. К войскам Петра I присоединились также конные ополчения кабардинских князей.

В первых числах августа русская армия разбила под Утемишем каракайтагов и без боя вступила в Дербент. Ее появление на Северном Кавказе застигло врасплох изнуренную между-

усобицами Персию. Уже хан бакинский обещал добровольно сдать свой город, уже шли переговоры о взаимных действиях русских с войском грузинского царя Вахтанга, как сильнейшая буря разметала русскую флотилию с провиантом, понудила Петра I вернуться обратно в Астрахань.

Тем не менее успехи русского оружия заставили персидского шаха осенью 1723 года заключить с Петром I трактат, по которому Россия приобретала Дербент, Баку, а также Гилянскую, Мазендеранскую и Астрабадскую провинции. Петр I готовился развить достигнутый успех, совершить дальнейшее продвижение русских на юг, но этому помешала его преждевременная кончина. Преемники великого преобразователя России не только не закрепили успехи Петра, но недалёковидная императрица Анна Иоанновна даже возвратила персидскому шаху Надиру все приобретения на берегах Каспийского моря.

В последующие десятилетия Грузия оставалась лакомым куском, данницей и пленницей, за которую дрались турки с персами. Невольничьи рынки Анапы, Суджук-Кале, Стамбула и Каира были переполнены грузинскими рабынями, из которых наиболее красивые сотнями отсылались в гаремы правителей Востока. Некогда цветущая страна лежала в развалинах. И только в 1774 году по Кючук-Кайнарджийскому трактату Оттоманская Порта отказалась от всех своих притязаний на Грузию. А в 1783 году грузинский царь Ираклий признал себя со всеми своими наследниками зависимым от России.

Но тяжкие испытания для грузинской земли на этом не кончились.

В Персии в 1786 году, после кровавых междоусобиц, единоличным властелином стал евнух из гарема шаха Керим-хана Зенда – основатель новой династии тюрок-каджаров Ага Мухаммед-хан. Именно он сменил усталую династию софиев. Ага Мухаммед-хан даже среди азиатов отличался необыкновенной жестокостью, страстью к мести и всепожирающим честолюбием. Мечь его простиралась так далеко, что он повелел вырыть из земли тела шахов Надира и Керима и вновь зарыть их – у входа в свой тегеранский дворец, чтобы иметь утешение ежедневно попирает их прах своими ногами. Жестокости же его не было предела: при взятии одного города он приказал поставить у городских ворот весы и взвесить выколотые у мужчин глаза. Таков был этот шах, который, покорив соперников внутри Персии – одних силою и бесчеловечными поступками, других, впрочем весьма немногих, великодушием, в 1795 году во главе шестидесятитысячного войска подступил к границам Грузии.

Напрасно царь Ираклий II молил Россию о помощи. Главнокомандующему на Кавказской линии графу Гудовичу из Петербурга приходили предписания, чтобы он только «обнадежил» Ираклия. Сам грузинский царь смог собрать для защиты своей столицы всего пятнадцать тысяч воинов. Почти все они легли костями в неравной битве с персами. 11 сентября 1795 года орды Ага Мухаммеда ворвались в Тифлис. Вероятно, подобных ужасов не переживала даже многострадальная столица Грузии. Победители насильствовали женщин, убивали детей и подрезали девушкам «на память» поджилки под правым коленом. Кура была запружена трупами. Оставив позади себя сожженный и разграбленный город, Ага Мухаммед угнал до шестнадцати тысяч грузин в неволю.

Ираклий II, спасшийся в старинном монастыре Ананура, взывал к Гудовичу, но тот, не получая указаний от императрицы, медлил. Наконец просьбы грузинского царя о помощи и ужасы персидского нашествия обратили на себя внимание в Петербурге. В кругу самых близких Екатерина предложила привести в исполнение грандиозный план покойного уже Потемкина. План был химерическим и держался в строгом секрете, объявили только о персидском походе и возвращении обратно завоеванного Петром I Приморского Дагестана с городом Дербентом. Руководство Экспедиционным Каспийским корпусом предложено было Суворову, а когда он отказался – в ожидании более серьезной войны, – решено было поручить ему действовать за Дунаем.

Командование войсками вверялось графу Валериану Зубову. 24-летний генерал-поручик был гуляка, по обычаю того времени, ветреный, легкомысленный, но обладал бесстрашием и отвагой. Он зарекомендовал себя с лучшей стороны уже при штурме Измаила в декабре 1790 года.

Назначение Зубова глубоко задело главнокомандующего Кавказской линией, одного из самых опытных генералов в русской армии, графа Гудовича. Но, смилив обиду, он принялся формировать необходимые для похода войска.

Были созданы две пехотные и две кавалерийские бригады. Первой пехотной бригадой, состоявшей из двух батальонов кубанских егерей и стольких же батальонов кавказских гренадер, командовал генерал-майор С.А.Булгаков; во главе другой, образованной из сводно-гренадерского батальона, батальона Воронежского полка и двух батальонов из тифлисских мушкетерских полков, назначен был генерал-майор А.М.Римский-Корсаков. В состав первой кавалерийской бригады, руководство которой было вверено генерал-майору Л.Л.Беннигсену, вошли драгуны владимирские и нижегородские, а в состав второй – астраханские и таганрогские, ставшие под начало бригадира графа Апраксина. На линию были стянуты войска с Дона, Тавриды, из Воронежской и Екатеринославской губерний; командиром всех иррегулярных войск был определен герой Измаила генерал-майор М.И.Платов. Кроме того, был сформирован еще отряд под начальством генерал-майора П.Д.Цицианова. С моря действовала Каспийская флотилия под водительством контр-адмирала Федорова. Не считая ее экипажа, полки и бригады, подчиненные Валериану Зубову, насчитывали более двенадцати тысяч человек при двадцати одном орудии полевой артиллерии.

В первой бригаде Сергея Алексеевича Булгакова бомбардирским батальоном командовал капитан Ермолов.

2

Слева было море, справа – горы.

Войска узкой лентой втягивались в пределы Дагестана. Передовой отряд под командованием старого героя-казака генерал-майора Савельева уже давно бездействовал перед Дербентом, за стенами которого укрылся Шейх-Али-хан. Зубов запретил предпринимать что-либо до подхода главных сил.

Появление русских заставило Ага Мухаммеда, занимавшего крепость Гянджа, уйти в Муганскую степь, а затем и в Персию. Хотя многие князья Дагестана уже заявили о своей покорности Екатерине II, все они ожидали только одного – как выкажут себя русские под Дербентом. Малейшая ошибка, принятая за слабость, заставила бы их всех объединиться с оружием в руках против пришельцев.

Сам Валериан Зубов был так мало знаком с условиями войны в этих краях, что принимал изъявления в покорности за чистую монету. Он воображал, что слава его проникла в эти отдаленные места и устрасила всех ханов, султанов, кадиев, уцмиев, шамхалов и даже грозного Ага Мухаммеда. Только себе одному он приписывал то обстоятельство, что поход от Кизляра обошелся без потерь. Однако воинственные кавказцы и не собирались мериться силами с русскими на Прикаспийской равнине. Впереди, как раз на пути, высились Табасаранский и Каракайтагский горные хребты. Всему русскому корпусу нужно было перевалить через них, и только тогда открывалась дорога на Дербент.

Впрочем, не только для Зубова, но и для очень многих офицеров и солдат война в условиях Кавказа была сложной и загадочной. Об этом рассуждал с Ермоловым участник суворовских походов подполковник Бакунин, ехавший в середине колонны на казачьей лошадке.

– Ишь наворотил Вседержитель наш! – вздыхал он, разглядывая бесплодные, каменистые, заоблачные горы, встававшие по правую руку, мшистые скалы, окрашенные в бурый,

с фиолетовыми оттенками, цвет и подернутые сизовой дымкой. – Каменья до небес! Тут неприятеля русским штычком, пожалуй, не достанешь...

– Громадина, – отозвался Ермолов. – Европейцы кичатся своими Альпами... Я недавно повидал их. Но Альпы повсюду ниже гор Кавказских.

Ермолов сильно переменялся за минувший год: раздался в плечах и выматерел телом. Черты лица обозначились резче, в выражении выступило нечто львиное. Темные, слегка вьющиеся волосы гривой ниспадали из-под черной форменной треуголки.

– Уже и в Альпах успел побывать! – простодушно восхитился Бакунин. – Чай, и с сине-кафтанниками встречался? Каковы они, ветреные, безбожные французики?

– Храбрые солдаты, – отметил Ермолов. – Почти все худо одеты, но горды, носят в петлице трехцветную розетку – знак их республиканского флага. А в бою прорываются через построения неприятеля неудержимо, словно бурный поток, и всему предпочитают, как и русские, штыковую атаку.

– Вот как! – изумился Бакунин. – А я, признаться, после того как французики обезглавили своего законного государя, представлял себе их не иначе как с рогами... – Он помолчал и сказал с оживлением на своем добром рябом лице: – Ах, зеленые пошли! Как славно!

Зелеными, или зеленой кавалерией, прозвали в народе и среди солдат драгун, после того как в 1775 году синие их мундиры, установленные Петром I, были заменены на зеленые.

Обгоняя пехоту, драгуны гуськом потянулись в голову колонны. То, что они составляли в корпусе большинство регулярной кавалерии, было не случайно. Драгуны представляли собой такую конницу, которая в случае надобности могла действовать и в пешем строю. Пехота на конях, формированию которой много способствовал Потемкин, как раз и нужна была для ведения войны в горах.

Это были драгуны Нижегородского полка, которыми командовал дальний родственник Ермолова – двадцатичетырехлетний Н.Н.Раевский, уже зарекомендовавший себя в битве с турками при Ларге.

– Верно, впереди лазутчики замаячили, – вставил догадку Ермолов.

Для него истекший 1795 год оказался на редкость богатым событиями. По окончании военных действий в Польше Алексей Петрович возвратился в январе в Петербург и был зачислен во 2-й бомбардирский батальон. Пользуясь сильной поддержкой графа Самойлова, он получил предложение ехать в Генуэзскую республику.

Северная Италия была тогда театром войны между французами и австрийцами. Ермолов получил рекомендательное письмо от вице-канцлера Безбородко к всеильному главе гофкригсрата Тугуту с просьбой о дозволении участвовать ему в военных действиях на стороне австрийцев. В ожидании ответа из Вены Ермолов объехал всю Италию. Он изучал памятники искусства и древности, собирал коллекцию гравюр и скупал книги, положив начало своей библиотеке, ставшей впоследствии одной из лучших в России.

Получив ожидаемое разрешение, Алексей Петрович поступил волонтером в армию генерала Девиса. Он участвовал в нескольких сражениях против французов в Приморских Альпах.

Вести из России о готовящемся разрыве с Персией побудили Ермолова, не ожидая конца кампании, вернуться в Петербург. В конце февраля Платон Зубов официальным письмом уведомил своего брата о назначении в его корпус Ермолова, которому велено было состоять при майоре Богданове, имевшем репутацию отличного артиллериста и командовавшем незадолго перед тем конной артиллерией.

По прибытии в войска Ермолов сразу завоевал симпатии солдат, уважение офицеров и пользовался особым расположением графа Валериана Александровича, который помнил его еще по польской кампании...

Драгуны между тем проскочили вперед и скрылись в расщелине. Колонна остановилась. К Бакунину с Ермоловым на взмыленном маштаке подскакал адъютант генерала Булгакова:

– Его превосходительство требуют господ офицеров к себе!..

Вынужденное бездействие генерал-майора Савельева под Дербентом ободрило союзников Шейх-Али-хана. Один из них, хамбута́й казикумыкский Сурхай-хан, привел к Дербенту три тысячи отборных джигитов и предложил хану обойти савельевский отряд с тыла, а затем разгромить его.

Только теперь Зубов понял, что должен торопиться изо всех сил. Главнокомандующий послал вперед нижегородских драгун и приказал корпусу двигаться форсированным маршем.

27 апреля войско подошло к реке Монис, откуда должен был начаться переход через горы.

Путь через Табасаранский и Каракайтагский хребты оказался до крайности тяжел. Приходилось то подниматься на совершенно отвесные скалы, то опускаться в глубокие ущелья, представлявшие собою подчас настоящие пропасти. На дне их надо было продвигаться по извилистой и узкой тропке, то и дело прерываемой водостоками и провалами. Особенно трудно было артиллеристам. Лошади и волю не в состоянии были тащить на себе зарядные ящики и пушки. Волей-неволей приходилось впрягаться солдатам. В результате за двенадцать часов непрерывного пути пройдено только двадцать девять верст. Но как бы то ни было, горы оказались позади, и у реки Урусай-Булак корпус остановился на долгожданный отдых.

А до Дербента было еще далеко. Зубов решил обложить войсками дагестанскую твердыню и, усилив бригаду Булгакова, кружным путем обойти Дербент с южной стороны. Вместе с тем Зубов послал к Шейх-Али-хану парламентаров, требуя безусловной сдачи крепости. Однако восемнадцатилетний хан дербентский, находившийся под сильным влиянием своей сестры Переджи-ханум – Розы Дагестана, без совета которой он решительно ничего не предпринимал, ответил презрительной насмешкой.

... Вечером 30 апреля отряд Булгакова расположился на отдых перед трудным походом через горы. На землю пала южная черная ночь. И даже мириады звезд, более крупных и ярких, чем в России, не могли отнять у мрака ничего, кроме вершин, смутными облаками стоящих в небесной выси.

Ермолов, убедившись, что его бомбардирский батальон подготовлен к изнурительному походу, долго не мог уснуть. Выйдя за цепь караулов, он жадно вглядывался туда, в юго-западную даль, где завтра должен быть отряд Булгакова. Волнение от близости огромной, таинственной и незнакомой страны охватило его.

Кавказ – ворота мира... Перекресток народов... Чуть не все человечество проходило тут! От мифических племен и языков, чье происхождение теряется во тьме предыстории, от библейского ковчега, который остановил после потопа Ной на горе Арарат, и до новейших народов. Этруски, хазары, косоги, яссы-аланы, авары, готы, скифы, сарматы, мидийцы, ассирийцы, татаро-монголы, римляне, арабы, персы, турки – все они проходили путями Кавказа. И проходившие, прорубавшие себе путь огнем и мечом, пожарами и кровью сами оставляли свой след, наслаиваясь и создавая новую прожилку в муаре человеческого мрамора.

Пестрота истории, языков, когда подчас один аул не понимал другой, соседний; пестрота религий – идолопоклонники, христиане, приверженцы Зороастра, мусульмане... Но при всем многообразии, несходстве десятков и даже сотен племен имелось нечто общее для всех них – в час опасности они становились единым войском. Старики и женщины угоняли отары и увозили скarb, мужчины садились на коней, выслеживали и уничтожали врага, а при нужде укрывались в таких теснинах и высотах, куда не добраться было пришельцу.

Что там, впереди? Воинственные, жестокие и гордые обитатели Кавказа – чеченцы, лезгинцы, аварцы, лаки, акушинцы, каракайтаги, тарковцы и прочие, имя которым легион. За хребтом – некогда великие, а теперь униженные историей потомки Тамар и потомки Паруйра. А дальше – дряхлеющие, но еще грозные, наводящие на соседей ужас Оттоманская Порта и Персия, два уставших хищника, два рабовладельческих гиганта, держащих в покорности, в неволе множество иных народов. Азия...

В этих империях с особенной, изощренной жестокостью борются за власть: брат на брата, семья на семью, клан на клан. Так, шах Аббас Великий уничтожил всех своих детей, дабы не быть зарезанным по приказу кого-то из них. Здесь процветает торговля людьми, здесь самая ценная дань – красивые девочки и мальчики, отбираемые у родителей персами и турками в услужение и для утоления похоти. Здесь рядом с нищетой горцев Дагестана ослепляющее великолепие Стамбула и Тегерана, роскошь, неизвестная Европе, изнеженность и сладострастие, неведомые даже Риму в пору его пышного разложения. И равнодушное азиатское изуверство: человек не стоит ничего; обмануть или даже убить неверного, гяура, – значит приблизиться к раю...

Темнота стужалась, хотя звезды в холодном разреженном воздухе радужно вспыхивали и словно приближались к земле. Ермолов смотрел на эти сонмы миров, таинственно и кротко мерцавших над ним, и думал: «Какая из них моя? И скоро ли срок ей пасть, закатиться за горизонт?..»

3

Первого мая основные силы графа Зубова начали последний переход к дагестанской твердыне.

Впереди шли гребенские и волжские казаки, зорко присматриваясь к гористым окрестностям. Неприятельских отрядов не было видно. Лишь изредка на отдаленной скале появлялся всадник в рваном бешмете и бедной папахе, но, свято соблюдая горские обычаи, на отличной лошади – легком тонконогом аргамеке – и увешанный дорогим оружием. Он замирал, оглядывая русское воинство, а потом стремительно мчался, чтобы передать весть: идет Золотая Нога.

После ранения Валериана Зубова на реке Буг и ампутации ноги искусный английский мастер сделал ему протез на пружинах, который был скрыт в сапоге и шароварах. Наивные жители гор были уверены, что протез у такого великого и важного вельможи может быть только из чистого золота, и потому прозвали Зубова Кызыл-Аяг – Золотая Нога...

На другой день русские были уже в предместье Дербента. Им открылись минареты и крыши города, расположенного на скате горы, уходившей к самому берегу Каспийского моря. Едва только передовые казачьи разъезды подошли к окружающим Дербент горам, как ожили бесчисленные утесы, скалы, овраги, засвистали и зажужжали пули.

Граф Зубов, раздосадованный неожиданным препятствием, приказал:

– Выбить засаду и разогнать неприятеля!

Казаки спешили, а за ними двинулся рассыпанный в цепи 3-й батальон егерей Кавказского корпуса. Казаки поползли по земле к утесам, откуда поднимался густой пороховой дым. Егеря шли за ними в некотором отдалении, отвлекая на себя внимание неприятеля. Когда гребенцы и волжане были уже у подножия утесов, егеря перешли в открытое наступление.

Дербентцы приготовились было к тому, чтобы встретить их свинцом, как загредело могучее русское «ура!». Это подползшие спешившиеся казаки с шашками наголо рванулись на противника. Натиск был стремителен, «ура!» гремело не смолкая. Джигиты Шейх-Али-хана дрогнули и бежали к Дербенту.

Русские войска подошли к городу и расположились на окружающих его высотах. Валериан Зубов сам произвел рекогносцировку.

Дербент, называемый по удобству своего местоположения арабийскими писателями Баб-эль-Абу-аб – Ворота Ворот или Главные Ворота, именовался еще Железной Дверью – ввиду своей укрепленности. Он был обнесен с трех сторон прочными и высокими стенами, из которых северная и южная имели в длину до трех верст и продолжались к востоку на несколько сажен в море. К юго-западу стены подымались на крутой утес, возвышавшийся на сто шестьдесят сажен, и соединялись с цитаделью Нарын-Кале, которая как будто висела над городом. В

этой цитадели находился Шейх-Али-хан со своей сестрой. Улицы города были кривы и тесны, дома с плоскими крышами построены из ноздреватого камня.

Большую часть стен прикрывала передовая башня, мешавшая не только устройству батарей, но даже сообщению между отдельными частями корпуса. Дербентцы засели в этой башне и встречали русских пушечными и ружейными выстрелами.

Зубов решил начать штурм, не ожидая отряда Булгакова, в движении которого между тем не приходило никаких известий.

– Сколько может быть защитников в передовой башне? – скорее разговаривая с самим собой, чем обращаясь к генерал-майору Римскому-Корсакову, спросил главнокомандующий.

– Точно неизвестно, ваше сиятельство, – отвечал тот.

– Я думаю, их не больше семидесяти человек.

– Очень может быть. Но башня в четыре яруса, и стены ее на вид столь прочной кладки...

– Все это так, – нетерпеливо перебил Зубов Римского-Корсакова, – однако эта башня должна быть не далее как завтра на рассвете взята нами!

– Но у нас в обозе нет лестниц достаточной высоты! – пытался возразить генерал.

– Зато в вашем распоряжении без числа удалцов! – отрезал Зубов, давая понять, что приказ обсуждению не подлежит. – Какой полк, по вашему мнению, наиболее готов к штурму?

– Воронежского пехотного полка батальон, ваше сиятельство, – не раздумывая, сказал Римский-Корсаков.

– Кто командует?

– Полковник Кравцов, ваше сиятельство.

– А, знаю. Храбрый солдат! Усиьте его двумя гренадерскими ротами – и завтра с Богом...

Третьего мая, едва появилось солнце, воронежцы под командованием полковника Кравцова двинулись к башне. Почти все солдаты, видя, что идут на верную смерть, переоделись в белые рубахи.

– Отступления быть не может! – сказал им накануне командир.

Довольно быстро они окружили башню со всех сторон. Но что можно было поделать без лестниц? Прикладами да прихваченными с собой бревнами солдаты не могли разбить стены из дикого камня. Беспомощно толкались воронежцы, стреляя безо всякой цели вверх, по хорошо защищенному врагу. А дербентцы со всех четырех ярусов башни сыпали свинцовый град на наступающих...

Но никто из солдат не сделал и шага назад. Кравцов и все офицеры были ранены, а штурмующая колонна продолжала бой, предпочитая верную смерть позору отступления.

Распоряжавшийся штурмом Римский-Корсаков через несколько часов бесполезной бойни прислал приказание немедленно отступить, и воронежцы отошли, захватив всех убитых и раненых. Штурм совсем не удался, и только беспорядочностью стрельбы со стороны дербентцев можно было объяснить сравнительно небольшую убыль, какую понесли наступающие: 25 убитых и 72 раненых.

Результаты неудачи, преувеличенные слухами, не замедлили сказаться. Сразу же заволновался и загудел весь окрестный край. В тылу у русских стали скапливаться отряды дагестанцев, некоторые спускались с гор в надежде на легкую добычу.

Старые кавказцы, бывшие при Зубове, объясняли ему, что здесь не Европа и даже не Турция, где можно применять то, что предписывает стратегия. Здесь главный залог успеха – быстрота действий. Они убедили Зубова не откладывать повторного штурма, тем более что к концу этого несчастного для русских дня с гор спустился наконец отряд генерала Булгакова.

4

Отправленной в обход первой бригаде пришлось преодолеть такие затруднения, о каких никто и не думал. Сам по себе переход был невелик, всего восемьдесят верст, но в их числе двадцать пришлось сделать по совершенно непроходимым тропам.

Батарея Ермолова двигалась вслед за егерями подполковника Бакунина. Солдаты молча оглядывали нависшие над безднами утесы, редкие далекие и пустые аулы, которые лепились подобно птичьим гнездам по уступам гор, неистово ревущие горные реки, низвергающиеся в пропасти. Грозное и пустынное величие ландшафта захватило и Ермолова. «Природою учрежденная крепость, – думал он, понукая свою лошадку и испытывая неудобство от непривычного казачьего седла. – Тут мы еще хлебнем лиха. И воевать здесь надобно по-особенному, не так, как в Италии... Узнать сперва не только самую природу, но и характер, обычаи своеобразных здешних обитателей...»

Батарейцы, как и полагалось в артиллерии, на подбор рослые, под стать своему командиру, были несколько подавлены непривычной обстановкой. Исключение составлял фейерверкер 4-го класса Горский – не в пример остальным маленький, щуплый и шустрый, с длинным и узким, загнутым вверх носом, из-за которого в батальоне его прозвали Патрикеевной.

– А что, братцы, – приговаривал Горский, шагая у передка орудия, – ведь сегодня никак первое мая... День святого пророка Иеремея... Иеремея-запрягальника, яремника... Чует мое сердце, придется нам в ярмо впрягаться в честь Иеремея-батюшки... Поработать замеем лошадей, да, чую, поболее, чем в прежнем переходе...

У селения, брошенного жителями, отряд начал подниматься на главный, Табасаранский хребет. Первой преградой на пути явился дремучий лес. Через него вверх, на крутизну, вилась узкая тропинка.

– Что я говорил? Май смаит, – повторял Горский, суетясь у застрявшего зарядного ящика. – В мае и жениться – век маяться, не то что по горам елозить...

– Да нишкни ты, враг! – добродушно крикнул ему огромный бомбардир с толстыми щеками и широкими плечами. – Только в ногах путаешься!

Он подсел под задок повозки, крикнул и выдернул попавшее между корнями колесо. Лошади рванули, зарядный ящик снова пополз вверх.

Подниматься пришлось по крутизне более чем на три версты. Лес редел, растительность постепенно беднела, и наконец только ярко-зеленые и красноватые мхи да ягели оживляли пустынные скалы. Воздух редел тоже, ускоряя дыхание и сжимая сердце. Подъем был так крут, что орудия и обозные повозки приходилось втаскивать на руках. С рассвета и до полудня на вершины взобрались всего только батальон пехоты и отряд казаков. В довершение ко всему после полудня пошел проливной, с грозой, дождь, не перестававший лить до следующего утра. Глиняная почва размякла, превратилась в месиво, так что шесть лошадей были не в силах сдвинуть с места двенадцатифунтовое орудие, и в помощь им Бакунин прислал две сотни солдат. Но и они выбились из сил.

– Не иначе как Патрикеевну надо позвать... Он подтолкнет, – хрипло шутил толстый батареец, пытаясь вместе с гренадерами втащить на крутизну большую, старинного литья, бронзовую пушку.

Между тем буря разыгрывалась. За ослепительным блеском молнии следовали непрерывные удары грома, грозно раскатывавшиеся по ущельям бесчисленным эхом. Их заглушал рев проливного дождя, попеременно сменявшегося то снегом, то градом.

– Право, как в преисподней! – стараясь пересилить шум дождя, крикнул Ермолову Бакунин и обернулся к солдатам: – Наддай, ребята!

Он перекинул через плечо веревочную постромку и пополз вверх, надсаживаясь так, что на побагровевшем от натуги лице вовсе исчезли рябинки.

– Наддай! – вторил ему Ермолов, подставляя могучее плечо под лафет.

Пушка стронулась.

– Чисто Еруслан Лазаревич! – одобрительно сказал старый гренадер. – С таким командиром и черта победишь, не то что горы...

Утром 2 мая весь отряд был уже на вершине хребта. Предстоял спуск, еще более затруднительный, чем подъем. И думать не приходилось брать с собой обоз. Он замедлил бы переход настолько, что неизвестно, когда бы отряд поспел к Дербенту. А Зубов уже торопил через посыльных. Булгаков решил оставить обоз под охраной двух гренадерских рот в горах, а всем остальным спускаться в долину Девечумигатан налегке.

Этот последний переход продолжался безостановочно с одиннадцати утра до часу ночи. С вершины отряд попал в тесное и глубокое ущелье, по дну которого протекала пенившаяся от дождя река. Ночь застала русских в Девечумигатанской долине, и здесь усталым людям был дан отдых до утра. Но что это был за отдых, что за ночлег! Проливной дождь, было стихший, под вечер пошел опять с такой силой, что горная река быстро вышла из берегов и в несколько часов наводнила всю окрестность. Солдаты до утра простояли в воде, не смыкая глаз и не имея возможности отдохнуть.

Зато утро наступило теплое и ясное. Появилось солнце, обливая миллионами искр снеговые вершины; река смирилась и вновь вошла в свои берега. Солдаты могли обогреться и обсушиться. Теперь до Дербента было рукой подать. Бой за Железную Дверь входил в свою решающую фазу.

5

Неудача 3 мая сильно поколебала уверенность русских в успехе открытого штурма. Стены Дербента казались несокрушимыми для полевой артиллерии, которая только и имелась в корпусе Зубова.

– Нешто из двенадцатифунтовиков эдакую толщу пробить? – переговаривались батареи Ермолова. – Неужели придется уйти ни с чем?!

Большинство солдат чувствовали, что слава Кавказского корпуса висит на волоске. Уже больше полусотни ядер было выпущено из русских орудий, а на дербентской стене сбит единственный зубец. Бомбардирование оказалось явно неудачным. Приверженцы Шейх-Алихана вывели на стены всех своих людей, и было видно, как дербентцы глумились над бесполезностью пальбы по крепости. Более того, несостоятельным оказался план Зубова обложить Дербент, а следовательно, не имели смысла ни трудный переход через Табасаранский хребет, ни жертвы, понесенные отрядом Булгакова: оставленные им близ урочища Девечумигатан две гренадерские роты были вырезаны казиками, а обоз разграблен.

– Кажется, есть только один выход, – сказал Ермолов Бакунину, обозрев с охотниками каспийскую твердыню. – Собрать всю имеющуюся артиллерию воедино и попытаться огнем в одну точку все-таки пробить брешь...

К этой же мысли склонялись и опытные генералы. По их совету Зубов приказал стянуть пушки против стены главного замка – Нарын-Кале. Бомбардирский батальон Ермолова был переправлен на судах в расположение основных сил.

Но прежде чем начать массированный обстрел, необходимо было во что бы то ни стало овладеть передовой башней. Повторный ее штурм Зубов назначил на 7 мая, причем в состав атакующих колонн определил те же две гренадерские роты и батальон Воронежского полка.

Топтание на одном месте настолько наскучило солдатам, что весть о новом штурме радостью отозвалась в их сердцах.

- Счастливыцы! – завидовали остальные воины воронежцам.
- Теперь-то они маху не дадут – выбьют!
- Как не взять! В прошлый-то раз осрамились, теперь поправить надо.
- Возьмут! Полковник Кравцов головную колонну ведет...
- Да ведь он при первом штурме ранен!
- Оправился, на ноги встал... Что, не кавказец разве?
- Ему поручика Чекрыжова в товарищи дали.
- С этим возьмут. Орлы!..

Утром 7 мая в русском лагере воцарилась мертвая тишина. Притихли и засевшие в передовой башне дербентцы. И они почувствовали, что решительный момент недалек. Ровно в восемь с той стороны, где стояла палатка Зубова, грянул одинокий пушечный выстрел, и сейчас же по всему отряду пронеслось:

– Главнокомандующий!

На довольно высоком кургане, позади батарей, появился граф Валериан Александрович, разодетый в парадную форму, блиставшую золотым шитьем и бриллиантами: униженный бриллиантами портрет государыни в петлице, бриллиантовый вензель на шляпе, перстень с огромным солитером. За Зубовым следовала свита: толстый граф Апраксин; казачьи генералы – бородатый, слегка кривоногий Савельев и высокий смуглолицый красавец Платов; начальники регулярных войск – Булгаков, Беннигсен, Цицианов. У всех лица сумрачны, и оживления почти не было заметно. Затею главнокомандующего – штурмовать защитную башню, не пробив в ней предварительно брешь, – большинство считали нелепой. Ведь новый приступ должен был происходить при тех же условиях, что и первый, то есть без лестниц, и генералы были убеждены, что гренадеры и егеря посылаются Зубовым на верную смерть.

Из расположения шестипушечной батареи Ермолова все происходившее было видно как на ладони. Вот Римский-Корсаков, получив от командующего разрешение начать штурм, дал шпоры коню и помчался к колоннам, замершим в ожидании приказаний.

– Братцы! Товарищи! – воскликнул генерал, сняв треуголку. – Пришло время послужить матушке-государыне... Взять эту башню нужно... Непременно... Так не посраим своей былой славы!

Смутный гул пронесся по рядам.

– Веди, веди нас! – раздались отдельные голоса. – Умрем все до единого, а не отступим!

Генерал надел шляпу и сказал тише:

– Верю вам, ребята. – И взмахнул перчаткой: – Коли так – вперед!

Громоподобное «ура!» ответило Римскому-Корсакову. Тот отъехал в сторону и пустил вперед штурмующие колонны.

Путь воронежцев и егерей лежал как раз мимо холма, где расположился со своей свитой Зубов. Во воронежские гренадеры шли, выдерживая равнение, как на параде.

Зубов размахивал треуголкой и, напрягая молодое лицо, кричал:

– Не посрамите, ребята, русской славы!

– Ты увидишь нас! – грянули в ответ гренадеры и кинулись, уже не держа фронта, к башне.

– Эх и встретят их сейчас! – сумрачно бросил толстый батареец и почти искательно спросил: – Господин фейерверкер, а что сегодняшней день обозначает?

Горский, который при приближении огневого дела сразу стал важным и всем своим видом показывал солдатам, что он хоть и небольшой, да командир, строго ответил:

– Седьмое мая – день праведного Иова Многострадального. Иова-горошника, росника... Будут кидать свинцовый горох, и распустятся кровавые росы...

В этот момент и из бойниц башни и со стен Дербента, сплошь униженных его защитниками, загремели выстрелы. С батареи было видно, как десятки фигурок закувыркались, сра-

женные пулями, в то время как остальные, не обращая на это никакого внимания, бежали к окутанной порохом дымом башне. Эти, казалось, обреченные на смерть солдаты даже не кричали: они берегли свое грозное «ура!» для решительного момента.

Ермолов нетерпеливо переминался с ноги на ногу, вглядываясь в картину далекого боя. Как ему хотелось сейчас быть там, среди атакующих, или хотя бы помочь им отвлекающим противника пушечным огнем! Но не оставалось ничего другого, как беспомощно взирать на отчаянную попытку товарищей по оружию взять открытым штурмом передовую башню...

Наконец раздалось мощное «ура!» – это гренадеры, не обращая внимания на сыпавшийся град пуль, окружили башню.

– Боже праведный, да что это? – вскрикнул толстый бомбардир.

– Ишь ты! Ловко! Важно! – восхитился фейерверкер.

Поручик Чекрыжов взобрался на плечи гренадера и начал карабкаться по камням, подымаясь все выше и выше. Миг – и его примеру последовали десятка два солдат. Они втыкали штыки в расщелины между камнями кладки и в несколько секунд очутились на крыше башни. Завязалось горячее дело.

Одни из удалцов работали штыками, другие ломали кровлю, чтобы проникнуть в средний этаж. В дело шло все, что попадалось под руку. Вдруг кровля рухнула, увлекая за собой и трупы павших, и продолжавших бой живых. Тела, камни, доски полетели на головы защитников башни, которые растерялись и были переколоты.

Пока гренадеры сражались внутри башни, подоспевшие егеря кинулись на прикрытие: из крепости спешила подмога. В отчаянном бою русские дрались штыками, дербентцы кидались на них со своими кривыми саблями. Бой длился беззвучно, слышались только стоны раненых, хрип умирающих да лязг оружия. Но вот вспыхнуло, как вспыхивает огонь, «ура!», а в ответ раздалось отчаянные крики «алла!». Дербентцы не выдержали натиска и отступили к стенам города. Егеря преследовали их под огнем до самого Дербента. Только вогнав неприятеля в ворота, они отошли к башне.

Полдень еще не наступил, а оплот Дербента был уже в руках русских. Теперь можно было без помех готовиться к штурму самой крепости.

6

Огромный шатер графа Валериана Александровича едва вмещал всех приглашенных.

Глядя вокруг, Ермолов невольно думал о временах светлейшего князя Потемкина, которые, казалось, снова воскресли. За две тысячи верст от Петербурга искусством архитекторов, живописцев, поваров, тафельдекеров, музыкантов, дансоров юный капитан был перенесен, словно в сказке из «Тысячи и одной ночи», в обстановку столичного дворца. Боевые генералы и офицеры в скромных мундирах чувствовали себя неудобно, впрочем, как и изыявившие покорность российскому трону дагестанские вожди с газырями на груди и при великолепном оружии. Совсем по-иному вела себя многочисленная свита графа Валериана – гвардейские офицеры, носившие вне службы бархатные кафтаны, атласные камзолы, кружевные жабо и манжеты, во главе с бригадиром графом Апраксиным. Этот человек, назначенный на должность дежурного генерала при главнокомандующем и награжденный четырьмя орденами, не нюхал пороха и проявлял свои способности всего более во время празднеств, кутежей и амуров.

А женщины прекрасным ожерельем окружали Зубова и его свиту. Тут были и петербургские прелестницы, последовавшие на край света за братом любимца Екатерины II; и хорошенькие француженки – актрисы, танцовщицы, певицы; и пугливые девушки, присланные в дар Золотой Ноге султанами, кадиями и шамхалами; и крепкие краснощекие казачки. Граф Валериан отличался женолюбием не менее светлейшего князя Потемкина. Недаром, когда восем-

надцатилетний Зубов отправился на турецкий театр военных действий, царица писала, что в городе все красавицы без него похудели.

Да он и сам был красавцем, превосходившим телесной приятностью брата: лицо необычайной белизны с нежным румянцем, точеные черты, большие светлые глаза. Екатерина II не скрывала своей симпатии к Валериану и в минуты нежности именовала юношу в письмах «резвушка моя», «любезный мальчик», отмечая его пылкий нрав, подвижность и жизнерадостность. Она и позволяла ему почти то же, что и своему избраннику Платону: граф Валериан, играя в фараон, ставил на карту по тридцать тысяч золотом.

Чрезвычайно высоко ценила престарелая императрица, уже растерявшая изрядную долю природной своей пронизательности, и человеческие качества Валериана Зубова, большей частью мнимые. Окружавшая графа свита вспоминала, что в письмах на Кавказ, которые Зубов своим ближним зачитывал вслух, Екатерина II называла его «прекрасной и доброй душой», «героем во всей силе слова», «храбрым воином», «вежливым и благородным рыцарем». Очень пухлый, несмотря на молодость, граф Апраксин, похожий на младенца-переростка, достаточно громко, чтобы слышал Зубов, занятый француженкой-дансоркой, говорил:

– Всемиловейшая матушка-государыня наша изволила так отозваться о способностях и военных подвигах его сиятельства Валериана Александровича: «Блистательная младость таковая обещает вам век благополучия и всего доброго, чего только человек желать может...»

Ермолов заметил, как с неудовольствием наморщил свое смуглое красивое лицо Матвей Иванович Платов, как с плохо скрытой неприязнью поглядывает на придворных трутней боевой артиллерист Богданов. Он слышал, что царица серьезно почитает Зубова чуть ли не лучшим полководцем Европы, забывая генералов Репнина, Гудовича, Каменского. «Как неуместно хвалить военные способности графа Валериана Александровича, если существует сам бог войны – великий Суворов!..» – подумал Ермолов, невольно разделяя общее ощущение воинов-кавказцев. Очевидно, и Зубов почувствовал неловкость от возникшей невидимой стены между свитой и приглашенными армейскими начальниками.

– Господа! – крикнул он, отвлекаясь от быстрого и приятного французского разговора. – Прошу всех за столы, причем господ генералов приглашаю за стол ближний... – Он поискал в военной толпе Ермолова и добавил: – Алексей Петрович, ты сядешь со мною...

Первый тост был поднят за ее величество государыню-императрицу, «милости которой равномерно простираются на всех ее подданных». Ермолов слышал, что Екатерина II оказывала такое благоволение графу Валериану Александровичу, что даже фаворит одно время видел в брате опасного конкурента. Увлечение младшего Зубова прекрасной графиней Потоцкой положило конец их соперничеству. С тех пор между братьями установились самые добрые отношения, причем в своих письмах Валериан именовал Платона «любимым другом, братом и отцом».

Понемногу военные, разгоряченные вином, завладели разговором, переводя его на трудности предстоящего взятия Дербента. Корсаков, Беннигсен, Цицианов, Платов говорили о невозможности открытого штурма и настойчиво рекомендовали главнокомандующему употребить все усилия, чтобы пробить в крепостной стене брешь. Зубов рассеянно кивал головой, внимая им вполуха, но затем повернулся к Ермолову и тихо сказал:

– Десятого приступ... И ты, Алексей Петрович, будешь командовать центральной брешью-батарею...

7

Едва забрезжило утро 10 мая, как все имевшиеся в корпусе Зубова орудия начали обстрел Нарын-Кале. Батареи были расставлены веерообразно, с таким расчетом, чтобы удары ядер приходились по одному и тому же месту в стене замка.

В эти минуты фейерверкер Горский преобразился. Куда подевались его прибауточки и смешочки, суетливость и празднословие! Быстро и четко командовал он расчетом своего орудия – бронзовой, старинного литья, пушки, – сам подхватывая его за колеса после выстрела и вывинчивая для новой наводки винты.

Ермолов, перебежавший от одного орудия к другому, после каждого залпа выскакивал вперед и из-под руки глядел на стену Нарын-Кале, в которую с каменными брызгами ударялись ядра.

– Молодец, фейерверкер! – кричал он, видя, как точно в цель летят ядра.

– Рад стараться, ваше благородие! – весело отвечал фейерверкер и с преувеличенной строгостью бросался к прислуге: – Шевелись! Подноси картуз!

До двух часов пополудни гремели, не переставая, пушки. Свистя и шипя, резали воздух ядра, но долго, очень долго стены Нарын-Кале по-прежнему стояли невредимыми. Канопада все усиливалась. Наконец камень не выдержал, и стена рухнула, обнажив брешь, через которую уже легко было проникнуть в замок.

Орудия смолкли, и на солнце сверкнула стальная щетина штыков: был назначен немедленный штурм Нарын-Кале. В то же самое время от Зубова полетел в Петербург гонец. «Через образовавшийся пролом, – доносил граф Валериан Екатерине II, – блеснуло в очи неприятелю победоносное оружие Вашего Императорского Величества, приготовленное к штурмованию замка воинами».

Но вот из-за стен Дербента до слуха русских донеслись громкие крики, потом все смолкло, и ворота оплота Дагестана широко распахнулись.

На площади показалась процессия. Впереди, в разноцветных халатах и белых чалмах, шли старейшины Дербента. Двое юношей вели под руки едва передвигавшего от дряхлости ноги старца в белоснежной чалме. В некотором отдалении медленно двигались главы дагестанских племен, явившиеся для защиты своей твердыни. Последним следовал верхом Шейх-Алихан, на шее которого в знак покорности висела его кривая сабля. Дербент сдавался на милость победителя...

Не доходя до русского главнокомандующего десяти шагов, процессия остановилась и опустилась на колени. Лишь дряхлый старец, сопровождаемый юношами-поводырями, продолжал приближаться. Тяжело дыша, он поравнялся с Зубовым и тоже встал на колени. Не приподымаясь, старик чуть слышно заговорил о чем-то на своем языке. Зубов уловил только одно слово, показавшееся ему похожим на русское имя Петр.

В заключение своей речи старец протянул Зубову серебряные ключи.

– Что он говорит? – спросил граф Валериан переводчика. – Мне слышалось, что он упомянул имя Петра.

– Так точно, ваше сиятельство, – последовал ответ. – Он говорит, что ему уже сто двадцать лет и что семьдесят три года назад он поднес эти самые ключи от Дербента императору Петру Великому...

– Какая прекраснейшая фраза для донесения моего! – воскликнул Зубов. – Запишите: «Оруженосец Екатерины Второй те же ключи и от того же старца, что и Петр Великий, принял 10 мая 1796 года...»

Потом он соскочил с коня, поднял коленопреклоненного старца и обратился к толпе с уверением, что, раз они сдаются добровольно, им страшиться нечего: город разорен не будет и все их имущество останется нетронутым. А в это время к открытым воротам Дербента с распущенными знаменами и с музыкой подходили кавказские егеря и московские мушкетеры из савельевского отряда.

После падения Дербента генерал Рахманов занял крепость Баку, а Булгаков вошел в пределы Кубинского ханства. Через две недели посланный Зубовым отряд драгун овладел Шемахой.

Приближалось время, когда Зубов должен был встретиться на поле брани с самим «ужасом Персии», «львом львов» – Ага Мухаммед-ханом.

8

«Милостивый государь мой Алексей Петрович! Отличное Ваше усердие и заслуги, оказанные Вами при осаде крепости Дербента, где Вы командовали батареей, которая действовала с успехом и к чувствительному вреду неприятеля, учиняют Вас достойным ордена Св. равноапостольного Князя Владимира на основании статута того. Вследствие чего, по данной мне от Ее Императорского Величества Высочайшей власти, знаки сего ордена четвертой степени при сем к Вам препровождая, предлагаю оные на себя возложить и носить в петлице с бантом; о пожаловании же Вам на сей орден Высочайшей грамоты представлено от меня Ее Императорскому Величеству. Впрочем, я надеюсь, что Вы, получая таковую награду, усугубите рвение Ваше к службе, а тем обяжете меня и впредь ходатайствовать пред престолом Ее Величества о достойном Вам воздаянии. Имею честь быть с почтением Вам,
Милостивого государя моего покорный слуга
Граф Валериан Зубов
Августа, 4 дня, 1796 года
Артиллерии капитану г-ну Ермолову»

9

– Ваше превосходительство, дозволейте мне участвовать в деле с отрядом подполковника Бакунина?..

Капитан Ермолов потревожил генерал-майора Булгакова в его палатке во время скромной трапезы. Денщик принес командиру корпуса баранью похлебку в глиняной чашке и бутылку простого красного вина. Генерал, сидевший по-турецки, на корточках, предложил Ермолову разделить с ним ужин. Тот отказался, хоть и был голоден: в горах с провиантом было туго, местные жители, покидая свои селения при приближении русских, угоняли с собой скот и сжигали зерно.

Булгаков молча принял за еду, словно позабыв о Ермолове. Мысли его витали далеко.

Самонадеянный граф Зубов наивно полагал, что занятием городов он овладевает не только краем, но и умом и сердцем горцев, и принимал их изъявления покорности за истинные чувства. Однако его великодушие воспринималось жителями Дагестана, воспитанными на строгом соблюдении воздаяния и мести, как непростительная слабость. Недавно клявшийся в верности русским хан дербентский Шейх-Али, бежав в горы, соединился с хамбутаем казикоумьским Сурхай-ханом. Внезапно выросшие скопища двинулись на Кубу, занятую отрядом Булгакова, и захватили вход в ущелье с аулом Алпан. Ворота на Кубу оказались в руках неприятеля. Отправив на разведку роту кавказских егерей под командой капитана Семенова, Булгаков приказал вслед за ним выступить подполковнику Бакунину с тремя егерскими ротами и казачьей сотней...

Ермолов терпеливо ждал. Булгаков тщательно обглодал каждое ребрышко, дохлебал жижку, потом корочкой дочиста вытер дно, запил все добрым глотком вина и лишь затем поднял на капитана умные маленькие глазки.

– Тебе сколько годков-то, Алексей Петрович? – тихо сказал он.

Что-то старческое, даже отцовское услышал Ермолов в его голосе.

– Девятнадцать в мае исполнилось, – не понимая, куда клонит боевой начальник, ответил он.

– Девятнадцать... – задумчиво проговорил Булгаков, поднялся с вытертого ковра и положил руки на широкие, могучие плечи Ермолова: – Не спеши, Алексей Петрович, тебе еще будет время!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.